

ИЗ ИСТОРИИ ШЕЛКОПРЯДИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

П. Я. БУКШПАН

В настоящем сообщении мы остановимся лишь на некоторых моментах истории шелкопрядельного дела, являющегося заключительным этапом в приготовлении «сырого материала» для ткачества. Этот вопрос почти не затронут (в части, касающейся первой половины XIX в.) в книгах К. А. Пажитнова и И. В. Мешалина¹. Между тем его освещение облегчает научное осмысливание особенностей капиталистической перестройки, постепенного превращения мануфактуры в фабрику в таких старых отраслях промышленности, как шелкоткацкая.

В связи с ростом капиталистической промышленности в дореформенной России становилось заметным относительное отставание сельского хозяйства и связанных с ним промыслов. К середине XIX в. спрос на дешевое и высококачественное сырье (шелк) для нужд капиталистической промышленности намного опережал его производство. По подсчетам известного киевского шелковода славянофила Ф. В. Чижова в середине XIX в. Россия могла бы потреблять 1400 тыс. пудов шелка².

Выяснить, сколько же действительно Россия потребляла шелка в первой половине XIX в. не просто. Слишком несовершенна была статистика: источники сведений, как правило, не указывались; сплошь и рядом составители сводных таблиц не могли оперировать проверенными цифрами, так как фабриканты или просто не отвечали на запросы, или заведомо искажали фактические данные (преуменьшали — из фискаль-

¹ К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность, М., 1958, стр. 303—342; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, М.—Л., 1950.

² Ф. В. Чижев. Степень, до которой может развиваться шелководная промышленность, М., 1862, стр. 16.

ных соображений, завывшали — для участия в промышленных выставках). Так же затруднительно сравнивать цифры, характеризующие потребление шелка в разные годы, даже в случае однородности статистических материалов. Россия до половины всего количества потребляемого шелка ввозила из-за границы. Данные, характеризующие ввоз сырья и ввоз пряжи, несравнимы.

Однако по статистическим обзорам первой половины XIX в. можно проследить тенденцию возрастания массы потребляемого ткацкими фабриками шелка. В книге В. С. Пельчинского количество шелка, использованного на предприятиях России с 1822 по 1832 г. исчисляется 10—16 тыс. пудов в год³. В официальной «Записке об историческом ходе и нынешнем положении шелководства в России» цифры 12—14 тыс. пудов шелка касались лишь привозимого в Россию из других стран⁴. Пельчинский, видимо, не учитывал шелк, который в 20-е годы начал поступать во все возрастающих количествах из Закавказья. В этом убеждают цифровые данные, приведенные для начала 30-х годов в «Коммерческой газете». По этим данным, Россия ежегодно потребляла:

итальянского шелка	до 3 500 пудов
брусского, или греческого	до 3 000 пудов
персидского, или кашанского	до 7 500 пудов

Итого привозного шелка около 14 000 пудов

«Своеземного» шелка потреблялось 14 500 пудов. А всего — до 29 500 пудов (1000 пудов лишних в итоге, очевидно, включали китайский, южнорусский и другие шелка, поступавшие мелкими партиями⁵).

По сведениям, опубликованным в органе Министерства финансов «Журнале мануфактур и торговли», ввоз иностранного шелка определялся цифрой 16 200 пудов (очевидно, несколько преувеличенной, так как в конце 30-х годов, согласно официальным статистическим таблицам, имело место уменьшение ввоза). Закавказского же шелка было переработано на ткацких фабриках в полтора раза больше, чем в начале 30-х годов, — 21 800 пудов. В итоге — 38 180 пудов шелка (180 пудов — южнорусского)⁶. В 40—50-е годы XIX в. шелкоткацкая промышленность России получала, согласно различным сведениям, 38—42 тыс. пудов шелка⁷.

При некотором увеличении объема производства в шелкоткацкой промышленности за первую половину XIX в. почти не произошло возрастания привоза иностранного сырья. Изменялась лишь структура импорта заграничного шелка. Вместо сырья Россия становилась потребителем пряженого итальянского шелка. В 1821 г. пряженого шелка было ввезено 6,3% от общего количества иностранного шелка, сырьцового — 93,7%; в 1849 г. соответственно 61,5% и 38,5%⁸.

Отсутствие прироста в импорте шелка в первой половине XIX в. компенсировалось усилением потребления необработанного сырьцового шелка из Закавказья (начиная с 20-х годов). Одновременно сельскохозяйственными обществами и частично правительственными органами (Министерством государственных имуществ) в 30—50-е годы принимались меры по налаживанию закупок южнорусского шелка-сырца.

³ В. С. Пельчинский. О состоянии промышленных сил России до 1832 года, СПб., 1833, стр. 13.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Министерства земледелия, Департамент земледелия, ф. 398, оп. 17, 1853, д. 5616, л. 40об.

⁵ «Коммерческая газета», 8 апреля 1833 г., № 42, стр. 163.

⁶ «Журнал мануфактур и торговли», 1838, № 12, отд. II, стр. 452—453.

⁷ См., напр., ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 17, 1853, д. 5616, л. 41; «Журнал мануфактур и торговли», 1850, № 1—2, стр. 92.

⁸ См. таблицу в книге: М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М., 1949, стр. 122

Переработка шелка-сырца (особенно закавказского) затруднялась из-за низкого организационно-технического уровня размотного промысла. Слабость капиталистического предпринимательства оставляла размотку преимущественно в руках шелководов. Промышленность получала некачественное сырье. Значительная роль в повышении качества отечественного шелка-сырца возлагалась на производство, превращавшее сырье в полуфабрикат. Переработка привозного сырца также должна была дать ткацкой промышленности полуфабрикат, необходимый для производства определенных тканей. Кручение, сучение, трощение, снование — все эти операции совершались либо на самих ткацких мануфактурах или «кустарями» по их заказам, либо в специальных промышленных заведениях.

В первой четверти XIX в. еще не было специальных шелкопрядильных заведений или прядильных мастерских при ткацких фабриках. Выработкой шелковой пряжи были заняты мастера этого дела, работавшие на ручных станках — карасях; вспомогательные операции производились женщинами-работницами в деревенских избах. Карасных заведений было много в Богородском, Коломенском и Звенигородском уездах Московской губернии.

Способы прядения шелка на карасях отличались примитивностью и технической отсталостью, что приводило к дороговизне и давало шелковую пряжу низкого качества. А это, в свою очередь, отражалось на внешнем виде гладких тканей (в узорчатых дефекты меньше заметны). Карасники работали в жилых избах, редко — в отдельных светелках, на чрезвычайно несовершенных в техническом отношении «снарядах». Подготовить однородную пряжу они не могли⁹. На карасях уток зачастую выходил слишком плотным по отношению к основе, или наоборот. Нити на катушках были неодинаковыми по толщине, по натяжке. При трощении происходила большая потеря («трата») шелка. С учетом всех потерь пряжа из кашанского сырца, выработанная в карасных заведениях в 20—30-х годах, обходилась, по приблизительным подсчетам, от 585 до 845 руб. за пуд. Но была она много хуже итальянской, стоившей в обычное время 1000—1100 руб. ассигнациями¹⁰. Обработка итальянского шелка обходилась еще дороже. Поэтому понятен переход во второй четверти XIX в. от закупок в Италии сырца к приобретению готовой пряжи. Выход из положения состоял в введении механического прядения шелка, во внедрении новых машин из Англии, Италии, Франции (хотя и они были далеки от совершенства)¹¹. Но этому мешала плохая размотка закавказского шелка.

Деревенские размотчицы и карасники, стоявшие вне большого мануфактурного производства, могли работать самостоятельно, но чаще выполняли заказы ткацких мануфактур, представляя собой как бы их внешние отделения.

Появление прядильных предприятий в Московской губернии способствовало частичному вытеснению карасников, превращению их в наемных рабочих. Однако перемотка закавказского шелка по-прежнему оставалась деревенским кустарным промыслом.

Характерны в этом отношении некоторые архивные данные. Безусловно сравнимы те сведения, которые подавали сами московские фабриканты в 1807 г. и в 1856 г. Это были обычные годовые отчеты, составленные по одинаковому образцу — в виде ответов на вопросы, однородные для 1807 и 1856 гг. В 1807 г. были составлены ведомости по 83 предприятиям, 84 «фабрики» подали сведения в 1856 г.

⁹ П. А. Обзорение Выставки мануфактурных изделий, бывшей в Москве в июне нынешнего года. Статья вторая. «Современник», 1823, № X, т. XLI, отд. II, стр. 110—111.

¹⁰ «О изобретенной Г. Ребровым машине для мотания, трощения и сучения шелка в одно время». «Журнал мануфактур и торговли», 1831, № 3, стр. 9—10.

¹¹ Е. Н. Андреев. Выставка мануфактурных изделий в Москве. (Статья вторая.) «Отечественные записки», 1853, т. XCI, отд. VII, стр. 87.

В 1807 г. нет ни одной ведомости от владельцев прядильных заведений. Таковых, вероятно, и не существовало. На 7 шелкоткацких предприятиях прядение производилось собственными силами. Это были сравнительно большие мануфактуры — помещичьи, посессионные и купеческие (последних, «вольных» было две). Крупная мануфактура московского первой гильдии купца Ф. П. Пантелеева размещалась в двух корпусах. На 100 станах производились ткацкие работы. Употреблялись итальянский, брусский и кашанский сырцовые шелка, которые покупались в Москве, «у московских, армянских и греческих купцов и в немецких конторах». «При фабрике имеются две небольшие машины, так называемые карасы, на которых делается уточный шелк... Имеется красильня. Карасы и красильня состоят в Московской губернии и округе при крепостной моей полотняной фабрике», — сообщал купец Ф. П. Пантелеев. Ткацкими работами и в красильне было занято 167 человек, «при карасах» — 33 мужчины и 28 женщин. «Сверх сего размотка крашеных шелков и части сырцовых производится на стороне, которой занимаются до 120 человек». Все рабочие — вольнонаемные, получающие сдельную плату¹².

На помещичьих и посессионных фабриках состав рабочей силы, естественно, был другой, но и на них применяли труд вольнонаемных; «сторонние» работы (вне предприятия) выполняли крепостные¹³. Это, следовательно, были мануфактуры с централизованной организацией труда в основном производстве и только частично в вспомогательном (прядильном). Подготовка сырья и полуфабриката производилась преимущественно вне «фабрики», но постоянно работающими на нее людьми (размотчицы, карасники).

9 фабрикантов в 1807 г. показали, что размотка и прядение шелка осуществлялись «на стороне», 4 «фабрики» (из 9) — значительные по объему производства мануфактуры с количеством рабочих от 100 до 500 человек на предприятии, но с широкой эксплуатацией деревенских ткачей-надомников, а также размотчиц и карасников. Остальные 4 предприятия, средние по размеру, имели от 20 до 100 рабочих и 1 — совсем небольшая мастерская на 10 станов (14 рабочих). Все 9 фабрик принадлежали купцам и применяли вольнонаемный труд. Средние по размеру предприятия имели признаки разделения труда на ткацких работах, следовательно, находились на пути к мануфактуре. Таким образом, в 1807 г. прядением шелка были заняты 16 фабричных заведений (из 83), но 5 из них были основаны на крепостном праве, 9 — имели постоянные связи с карасниками, получая от них пряжу, и только на 2 купеческих предприятиях имелись прядильные отделения¹⁴. Прядильным производством капиталистическая централизованная мануфактура еще не овладела.

В 1856 г. ведомости подали 5 владельцев как-будто небольших прядильных «фабрик» в Павловском посаде Богородского уезда. 4 предприятия (из 5) были включены также в «Статистическое обозрение промышленности Московской губернии», изданном по официальным сведениям и результатам обследований. Это были просто карасные заведения, в которых имелось по 1—3 карасей, но тут же работали и размотчицы. На самом крупном из них — купца третьей гильдии С. В. Рязанкина — работали 3 карасника и 20 размотчиц. Все 23 человека были наемными рабочими. Сбыт шелка производился в Павловском посаде и разных уездах Московской и Владимирской губерний, а не определен-

¹² ЦГИАЛ, ф. 16, оп. 1, 1807, д. 6, лл. 583—584.

¹³ ЦГИАЛ, фонды Министерства внутренних дел. Отделение мануфактур Экспедиции государственного хозяйства, ф. 16, оп. 1, 1807, д. 6, лл. 572, 577об.—578, 583—584, 595об., 596, 662об.—663, 665—666, 705—707.

¹⁴ Там же, лл. 11—14, 568, 588, 614—614об., 623—624, 626об.—627, 664—664об., 674об.—675, 677об.—678.

ным заказчикам¹⁵. В донесении полицейского пристава Павловского посада об открывшихся в 1850—1853 гг. новых промышленных предприятиях (всего 21) были названы карасные заведения С. В. Рязанкина, казенного крестьянина Е. Е. Монахова и мещанина П. И. Гладкова (все три подали ведомости в 1856 г.). Павловские карасные заведения легко счесть мелкими, случайно попавшими в канцелярских делах в одну группу с шелкоткацкими мануфактурами, если бы не приписка полицейского пристава по поводу всех названных им предприятий: они представляют собой «„домовые“ конторы, из которых выдают материалы для выделки материй крестьянам Московской, Владимирской и Рязанской губерний»¹⁶. Да и производительность на ручных карасях — 100 пудов шелка, если учесть чрезвычайную кропотливость труда по размотке и трощению, следует признать несоразмерно большой. На шелковой мануфактуре братьев Залоговых (425 рабочих) с помощью 5 карасей вырабатывалось только 50 пудов шелка, причем с применением водяного привода¹⁷. Механическая прядильная фабрика Шелковникова давала 200 пудов в год. Очевидно, карасные заведения в Павловском посаде — рассеянные прядильные мануфактуры, эксплуатировавшие работников по деревням.

На 11 шелкоткацких предприятиях Московской губернии в 1856 г. прядение шелка для производственных потребностей производилось наряду с выделкой тканей. Все это были крупные мануфактуры, насчитывавшие по несколько сот человек (3 из них имели 600—750 рабочих). Прядильные операции были частично механизированы, но больше использовалась просто физическая сила людей (хотя бы и через централизованный привод). Лучшая в России шелкоткацкая фабрика, принадлежавшая купцам Кондрашевым (Богородский уезд), применяла паровую машину, которая приводила в действие 11 мотальных станков, 5 тростильных, 10 карасей, 2 шпульных и апретных станка с прибором. А все ткацкие работы производились вручную. 330 человек занимались приготовлением пряжи. На фабрике братьев Залоговых (Богородский уезд) карасное отделение состояло из 120 человек и пользовалось водяным приводом. Все остальные работы механизированы не были.

Типичным по техническому оснащению было предприятие богородского второй гильдии купца А. П. Крюкова. Здесь 200 человек были заняты прядильным делом (размоткой, трощением). Разматывался шелк на 10 машинах в 40 веретен каждая, а кручение производилось на 3 машинах — одна в 440 веретен и две в 80 веретен каждая. Машины эти были деревянными, приводились в движение рабочими посменно и помещались в особом корпусе¹⁸.

На посессионной мануфактуре купцов П. Н. Рогожина и братьев Ефимовых (Фряново, Богородского уезда) в 1841 г. числилось 1938 рабочих. На прядении шелка были заняты 2 мастера, 1 мастерица, 1 смотрительница, 25 узольщиков, 7 разборщиц, 150 тростильщиц (30 посессионных, 120 «вольных»). В ведомости нет каких-либо упоминаний о механизации производственного процесса¹⁹.

¹⁵ ЦГИАЛ, Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, ф. 18, оп. 2, 1856, д. 1520, лл. 28—33, 42—43, 69—70; см. также Ст. Т а р а с о в. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии, М., 1856, стр. 172.

¹⁶ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), Канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 27, 1854, св. 859, д. 87, лл. 10—19 об., 41 об.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, 1856, д. 1517, лл. 469—470.

¹⁸ Там же, лл. 461—462, 469—470, 479—480, 487—488, 491—492; д. 1520, лл. 18 об.—19, 44—45, 61—62, 93—94, 101—102, 109—110; см. также И. В. Д р о з ж и н. Обзор фабрик и заводов в разных местах России (из официальных источников), Шелковая фабрика почетного гражданина Крюкова. «Журнал мануфактур и торговли», 1857, № 1—2—3, стр. 64.

¹⁹ ГИАМО, Канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 10, 1841, св. 570, д. 7, лл. 258—261.

Хотя удовлетворительных сравнительных данных за все годы первой половины XIX в. мы не имеем, однако легко заметить рост самостоятельного прядильного производства. В 1856 г. прядильное производство имелось на 16 предприятиях (как и в 1807 г.). Но все они были или специализированными заведениями, или крупными купеческими шелкоткацкими мануфактурами со значительным удельным весом на них прядильного дела. Однако средние и мелкие фабриканты продолжали зависеть от карасников.

В 50-е годы в шелкопрядении были налицо некоторые признаки механизации производства и разделения труда, централизация всех составных частей процесса шелкового производства на крупных мануфактурах, не желающих ставить себя в зависимость от неорганизованной массы карасников. И все же прядильное дело в шелковой промышленности к середине XIX в. не могло идти ни в какое сравнение с его организацией, техническим оснащением и размахом в хлопчатобумажной промышленности, шагнувшей далеко вперед.

Наряду с частным капиталом шелкопрядением заинтересовались предприимчивые дельцы, преимущественно из иностранцев, которые, не имея собственного капитала, сумела добиться правительственных субсидий или организовывали акционерные общества. Иностранец Кастелла с 1823 г. начал создавать в Закавказье правильную механическую размотку и трощение тамошнего шелка. В 1827 г. начал хлопоты по организации компании для размотки и трощения шелка сардинец Трибодино. «Дух компаний не был еще развит в России», и дело не удалось²⁰. В 1836 г. было образовано Общество распространения за Кавказом шелководства и торговли промышленности. Под управлением купца Шелковникова и комиссионера Общества купца Пастухова в 1842 г. заработало механическое шелкотростильное заведение в Москве. В нем были установлены французские машины с производительностью 300 пудов пряжи в год; готовились органзин и трам (основа и уток) из итальянских и закавказских сырцовых шелков. За шесть месяцев работы, писал министру финансов обследовавший предприятие знаток русского и заграничного шелководства А. К. Мейендорф, «оно достигло уже значительных результатов и как первое в России механическое шелкотростильное заведение нового устройства заслуживает внимания мануфактурного начальства; ибо должно иметь важное влияние на улучшение шелковой нашей промышленности, которая встречала весьма важные препятствия в техническом и экономическом отношении от несовершенства ручного трощения шелков на так называемых карасях». А. К. Мейендорф указывал далее на необходимость правительственных мер по перестройке размотного дела в Закавказье²¹. Впоследствии фабрика Шелковникова (под этим названием она фигурировала в источниках) перерабатывала тот шелк, который добывался на закавказских плантациях компании и разматывался на месте в специальных заведениях.

В 1856 г. московский шелкоткацкий фабрикант И. В. Залогин доносил Комитету шелководства об открывшихся чудесных качествах правильно размотанных южнорусских шелков. Вопреки предвзятому убеждению о их несовершенстве Залогин на своей фабрике изготовил из них высококачественные основу и уток, не уступавшие европейским, притом без предварительной переделки и сортировки. Залогин доказывал, что закавказский сырец, тщательно рассортированный и обработанный, может давать хорошую основную и уточную пряжу²².

²⁰ «Историческое изложение мер правительства к заведению и распространению в России шелководства». «Тр. Вольного экономического общества», 1848, № 6, раздел «Сельское хозяйство и вспомогательные науки», стр. 310.

²¹ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, 1843, д. 1084, лл. 88—88об.

²² И. В. Залогин. О русских шелках. «Журнал сельского хозяйства», 1856, № 5, отд. II, стр. 59—61.

Лучшим свидетельством больших возможностей русского и закавказского шелка среди специалистов признавались те замечательные успехи в прядении шелка, которые были достигнуты А. Ф. Ребровым. Его органзин продавался наряду с первосортным итальянским, достигая в некоторые годы стоимости 1800 руб. за пуд. И это несмотря на привычную подозрительность ткацких фабрикантов по отношению к отечественному шелку и стремление употреблять больше иностранного. В течение своей непрерывной (около 40 лет) хозяйственной деятельности на поприще шелководства А. Ф. Ребров постоянно вносил новые усовершенствования в технику прядения. Будучи поддержанными, они могли бы принести значительные плоды. Однако в России не использовались возможности, которые предоставляла к середине XIX в. прядильная техника для улучшения качества шелкового полуфабриката. Карасник продолжал быть главной силой в прядильном производстве Московской губернии. Капиталистическое предпринимательство не играло большой роли.

Введение в России механического прядения шелка происходило очень медленно. Вытеснение специальными прядильными заведениями массы подмосковных карасников представляло собой хотя и замедленный, но все же несомненный процесс. В связи с этим произошли изменения в структуре ввоза шелкового сырья. В период 1850—1858 гг. не происходило заметных колебаний в размерах импорта пряденого шелка. Но росла потребность ткацкой промышленности в шелке, которая в значительной степени удовлетворялась увеличением закупок закавказского шелка. Вместе с тем ввоз заграничного сырца поднялся до 140% (в 1857—1858 гг.) от уровня 1850 г.²³ Вместе с закавказским шелком, очень незначительная часть которого превращалась в пряжу на месте, московские карасники и шелкопрядильные предприятия в 30—40-е годы перерабатывали сырца 30—40 тыс. пудов, в 50-е годы — более 50 тыс. пудов²⁴.

Совершенствование шелкопрядения в большой степени зависело от состояния техники. Для внедрения новых машин требовались капитальные вложения. Между тем, шелкоткацкая промышленность в середине XIX в. переживала трудное время. Прибыли предпринимателей были неустойчивыми, свободных капиталов не хватало. Шелковая промышленность России испытывала сильную конкуренцию со стороны иностранной.

На рынке сбыта продукции массового потребления продукция России вытеснялась хлопчатобумажными тканями. Технический прогресс с большим трудом пробивал себе дорогу. Изобретения русских шелководов и механиков, как правило, не встречали поддержки и не подкреплялись денежными субсидиями. По применению механических сил Россия сильно отставала от передовых стран Западной Европы. Общая технико-экономическая отсталость дореформенной России тормозила и развитие шелкопрядения.

Улучшение способов трощения и сучения шелка, а также качество пряжи зависели от состояния размотки закавказского шелка. Низкий технический уровень размотного промысла задерживал развитие прядильного производства. Обработка сырцового шелка, так же как размотка коконов тормозила решение сырьевой проблемы в шелкоткацкой промышленности. Зависимость ткацких мануфактур от привоза итальянской основы, необходимой для производства большей части шелковых

²³ См. таблицу в книге: М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, стр. 124.

²⁴ «Сведения о шелководстве и шелкоткацком производстве в России». (Извлечено из дел архива Департамента торговли и мануфактур.) «Сб. сведений и материалов по ведомству Министерства финансов», СПб., 1867, т. I, № 3, стр. 410.

тканей, становилась неизбежным злом. Значительные капиталы, которые могли пойти на техническую перестройку шелковой промышленности, уплывали за границу.

Перерастание шелкоткацкой мануфактуры в фабрику произошло гораздо позже, чем в других отраслях текстильной промышленности (не ранее начала XX в.).

